

Tożsamość (w) przestrzeni

Сущность пространства

пространство сущности

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

SCRIPTA ŁUŻNIANA

Tom II

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

Pod redakcją
Matyldy Chrzęszcz,
Kseni Dubiel
i Heleny Duć-Fajfer

Kraków

Matylda Chrząszcz

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0003-4313-5995>

✉ matylda.chrzaszcz@uj.edu.pl

Ksenia Dubiel

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0002-7512-2235>

✉ ksenia.panas@uj.edu.pl

Helena Duć-Fajfer

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0001-9436-3846>

✉ helena.duc-fajfer@uj.edu.pl

© Copyright by individual authors, 2022

Recenzenci

dr hab. Andrzej Dudek, prof. UJ

Prof. Natalia Vesselova, University of Ottawa

Opracowanie redakcyjne

Irena Gubernat (j. polski), Yanina Ryier (j. rosyjski)

Projekt okładki

Lesław Sławiński

ISBN 978-83-8138-730-9 (druk)

ISBN 978-83-8138-731-6 (PDF)

<https://doi.org/10.12797/9788381387316>

Na okładce: mapa Moskwy, 1726 (www.rijksmuseum.nl)

Publikacja dofinansowana przez Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43

e-mail: publishing@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: <https://akademicka.com.pl>

Fot. Barbara Szczukin

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'B. Szczukin'.

TABULA GRATULATORIA

- Zbigniew Babik, Uniwersytet Jagielloński
Vsevolod Bagno, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Krzysztof Bak, Uniwersytet Jagielloński, Uni-
wersytet Sztokholmski / Stockholms
universitet
Katarzyna Bazarnik, Uniwersytet Jagielloński
Zofia Berdychowska, Uniwersytet Jagielloński
Krzysztof Bielawski, Uniwersytet Jagielloński
Piotr de Bończa Bukowski, Uniwersytet
Jagielloński
Dariusz Brodka, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Brzozowski, Uniwersytet Jagielloński
Renata Bura, Uniwersytet Jagielloński
Anna R. Burzyńska, Uniwersytet Jagielloński
Magdalena Wasilewska-Chmura, Uniwersytet
Jagielloński
Wojciech Chlebdą, Uniwersytet Opolski
Urszula Cierniak, Uniwersytet Humanistyczno-
Przyrodniczy im. Jana Długosza w Często-
chowie
Andrzej Dudek, Uniwersytet Jagielloński
Katarzyna Dybeł, Uniwersytet Jagielloński
Adam Fałowski, Uniwersytet Jagielloński
Lazar Fleishman, Uniwersytet Stanforda / Stan-
ford University
Dorota Gil, Uniwersytet Jagielloński
Pavel Glushakov, Ryga
Marek Hałaburda, Uniwersytet Papieski Jana
Pawła II
Agata Hołobut, Uniwersytet Jagielloński
Gabriella Elina Imposti, Uniwersytet Boloński /
Università di Bologna
Jadwiga Janaszek, Kielce
Maria Jodłowiec, Uniwersytet Jagielloński
Beata Kalęba, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Kapuścik, Uniwersytet Jagielloński
Lubov Kiselova, Uniwersytet w Tartu / Tartu
Ülikool
Jadwiga Kita-Huber, Uniwersytet Jagielloński
Anna Klimkiewicz, Uniwersytet Jagielloński
Maria Kłańska, Uniwersytet Jagielloński
Agnieszka Kocik, Uniwersytet Jagielloński
Alexandr Korablev, Doniecki Uniwersytet
Narodowy / Донецкий национальный
университет
Lesława Korenowska, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie
Lucyna Korycińska, Uniwersytet Jagielloński
Katalin Kroó, Uniwersytet Loránd Eötvös /
Eötvös Loránd Tudományegyetem
Olga Kuptsova, Moskiewski Uniwersytet Pań-
stwowy / Московский Государственный
университет
Halina Kurek, Uniwersytet Jagielloński
Tatjana Kuzovkina, Uniwersytet Talliński / Tal-
linna Ülikool
Andrzej de Lazari, Uniwersytet Łódzki
Bohdan Łazarczyk, Uniwersytet Jagielloński
Lidia Macheta, Uniwersytet Jagielloński
Dina Magomedova, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Izabella Malej, Uniwersytet Wrocławski
Agnieszka Malska-Lustig, Uniwersytet
Jagielloński

- Elżbieta Mańczak-Wohfeld, Uniwersytet Jagielloński
- Maria Maślanka-Soro, Uniwersytet Jagielloński
- Gabriela Matuszek-Stec, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Michalak-Pikulska, Uniwersytet Jagielloński
- Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski
- Galina Nefagina, Akademia Pomorska w Słupsku
- Arkadiy Neminushchiy, Uniwersytet Dyneburski / Daugavpils Universitāte
- Jakub Niedźwiedź, Uniwersytet Jagielloński
- Sylvia Nowak-Bajcar, Uniwersytet Jagielloński
- Ryszard Nycz, Uniwersytet Jagielloński
- Tereza Obolevitch, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Magdalena Ochniak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Oczkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Olaszek, Uniwersytet Łódzki
- Alexander Ospovat, Uniwersytet Kalifornijski / University of California
- Agnieszka Palej, Uniwersytet Jagielloński
- Ewelina Pilarczyk, Uniwersytet Jagielloński
- Irina Prokhorova, Moskiewski Uniwersytet Państwowy / Московский Государственный университет
- Elżbieta Przybył-Sadowska, Uniwersytet Jagielloński
- Wacław Rapak, Uniwersytet Jagielloński
- Renata Rodak, Uniwersytet Jagielloński
- Rozalia Sasor, Uniwersytet Jagielloński
- Yuliya Sergo, Udmurcki Uniwersytet Państwowy / Удмуртский государственный университет
- Elżbieta Solak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Sosień, Uniwersytet Jagielloński
- Elena Sozina, Uralski Uniwersytet Federalny / Уральский федеральный университет
- Ewa Stala, Uniwersytet Jagielloński
- Lidia Sudyka, Uniwersytet Jagielloński
- Jan Szczepaniak, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Włodzimierz Szturc, Uniwersytet Jagielloński
- Dorota Szumska, Uniwersytet Jagielloński
- Stanisław Śnieżewski, Uniwersytet Jagielloński
- Wanda Świątkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Marietta Turyan, Sankt Petersburg
- Anna Walczuk, Uniwersytet Jagielloński
- Jadwiga Waniakowa, Uniwersytet Jagielloński
- Halina Waszkielewicz, Uniwersytet Jagielloński
- Władysław Witalisz, Uniwersytet Jagielloński
- Natalia Vesselova, Uniwersytet Ottawski / University of Ottawa
- Grażyna Zając, Uniwersytet Jagielloński
- Marcin Ziomek, Uniwersytet Jagielloński

Spis treści

TABULA GRATULATORIA	5
BARBARA SZCZUKIN, MAŁGORZATA SZCZUKIN	
Biogram z bliskiej perspektywy nakreślony	7
HELENA DUĆ-FAJFER	
Wasilij Gieorgijewicz Szczukin – wszechstronny badacz i erudyta.....	11
SPIS PUBLIKACJI	19
WSTĘP.....	37
Введение	39
PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA.....	41
ANDRZEJ ROMANOWSKI	
Pogranicze polsko-rosyjskie (do roku 1863). Zagadnienia i postacie	43
MAGDALENA DĄBROWSKA	
Ziemie niemieckie oczyma rosyjskich podróżopisarzy przełomu XVIII i XIX wieku – miejsca wspólne, miejsca różne (wokół <i>Listów Rosjanina podróżującego po Europie od 1802 do 1806 roku</i> Dmitrija Gorichwostowa)	55
Кристина Воронцова	
Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы	67
Дечка Чавдарова	
Образ Коми в воспоминаниях болгарских строителей и лесорубов	77
Джон Даглас Клэйтон	
Гурзуф как <i>locus amoenus</i> в житнетворчестве А.С. Пушкина.....	89
Виктор Скрунда	
К истории русской меньшинственной идеи в межвоенной Польше (РОМ, 1934).....	101

PRZESTRZEŃ PSYCHOLOGICZNA	111
URSZULA TROJANOWSKA	
„Schody w pustkę” – przestrzeń i sen w opowiadaniu <i>Szatniarz</i> Jeleny Dołgopiat.....	113
Ксения Касаткина	
Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского <i>Записки из подполья</i>	125
Сергей Доценко	
Обезвельопал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»...	139
Валерий Мильдон	
Эней и Анна. Пространства судьбы в <i>Энеиде</i> и <i>Анне Карениной</i>	151
Ксения Дубель	
Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства? Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия	163
MARIA MALEWSKA	
Pamięć i tożsamość w utworze Pavla Amnuela <i>Spowiedź</i>	173
PRZESTRZEŃ TEKSTUALNA	185
Аркадий Гольденберг	
Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя	187
HELENA DUĆ-FAJFER	
Przestrzeń rosyjskości w literaturze łemkowskiej.....	201
Людмила Луцевич	
Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина <i>Цыганы</i>	217
Ольга Гриневич	
Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой <i>Сад</i>	231
Юрий Доманский	
Слово «сцена» в паратексте <i>Вишнёвого сада</i> А.П. Чехова. К вопросу о пространстве реально-художественном и пространстве реально-театральном в драматургическом тексте.....	243
Татьяна Автухович	
Экфрасис как способ формирования пространства смысла	255

PRZESTRZEŃ URBANISTYCZNA.....	267
KATARZYNA SYSKA	
O mitologii miasta w dramacie Jurija Kławdijewa	
<i>Obłok przypominający delfina.....</i>	269
BOGUSŁAW ŻYŁKO	
O pewnej reprezentacji wieczności (Uwagi o <i>Rzymie</i> Mikołaja Gogola).....	281
DZMITRY KLIABANAU	
Topos Rzymu jako element „mitu Husowskiego” Władzimira Arłoua	
(na materiale powieści <i>Czasy dżumy</i>).....	293
Михаил Строганов	
<i>Город пышный, город бедный</i> и его родственники	305
Павел Лавринец	
Поэтосфера Вильнюса как города храмов	317
Валентина Брио	
Вильнюсские дворики как особенный городской локус	329
Наталия Няголова	
Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской	
«оттепели». Предварительные заметки.....	343
Михаил Тимофеев	
Что делает наши ландшафты такими разными, такими	
привлекательными? (Английский индустриальный пейзаж	
XVIII-XX веков).....	355
PRZESTRZEŃ PODRÓŻY	367
MATYŁDA CHRZĄSZCZ	
Podróż do źródeł tożsamości. <i>Wschód</i> Andrzeja Stasiuka	369
MICHAŁ MILCZAREK	
<i>Wyspa</i> Gołowanowa albo o poszukiwaniu sensu w Arktyce.....	379
Александр Вавжинчак	
Путь как судьба. Повесть Виктора Астафьева <i>Перевал</i>	393

PRZESTRZEŃ WIZUALNA	405
Якуб Садовски	
Интеллигент в пространстве анимации. Мультфильмы по рассказам Эдуарда Успенского.....	407
Евгения Строганова	
Женщина с книгой в портретной живописи второй половины XVIII – первой половины XIX в. Модель и пространство. Заметки к теме	421
Наталья Мариевская	
Социальные пространства в динамике сюжета. Анализ драматургии современного фильма.....	435
Наталия Злыднева	
Концепт «путь-дорога» в русской живописи. наброски к теме	449
INDEKS OSÓB	461
Указатель имён.....	467

Наталия Няголова
Великотырновский университет

Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской «оттепели»

Предварительные заметки

В литературном наследии болгарской «оттепели», в условиях доминирования соцреалистической эстетики, выделяется группа текстов, в которых пространство города коннотированно отрицательно, в духе архетипной моде ли Вавилона, «города-блудницы», «земного города», «который сам не блюдет своей крепости и целости, идет навстречу своему падению, ища кому бы отжаться и не спрашивая кто его берет»¹.

В данной статье сделана попытка интерпретации этого варианта городского пространства и реконструкции карты поэтосферы города, той «совокупности сложных реальных и смысловых комбинаций пространственно-поэтического характера, поднимающих жизненную прагматику до уровня мифологического сознания и эстетического переживания»² (по определению В.Г. Щукина). Материалом наших наблюдений будут произведения трех болгарских писателей 60-х годов XX века – Павла Вежинова, Богомила Райнова и Василя Попова.

На фоне эстетической конъюнктуры 50-х – 60-х годов урбанистика указанных авторов выглядит как свидетельство «оттепельного» расширения художественных границ, той деканонизации, во время которой, по

¹ В.Н. Топоров, *Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте* [в:] *Исследования по структуре текста*, ред. Т.В. Цивьян, Наука, Москва 1987, с. 125.

² В.Г. Щукин, *Поэтика города. Морфология поэтосферы*, „Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки” 2013, № 7, с. 299.

словам Х. Гюнтера, «происходит прогрессирующая и необратимая эрозия соцреализма»³. Характерная концептуализация города в духе советской «оттепели», когда город становится пространством поэзии, весны и любви с домашним уютом двора и тенями революционного прошлого, в болгарской литературе отсутствует. В 60-е годы XX века в отечественной словесности выделяются три варианта городского пространства. В так называемом «производственном романе», ведущем жанре более раннего историко-литературного периода сохраняется утопическая проекция города, его символическое прочтение как строительной площадки для построения новой жизни. Обычно это города без истории, возникающие на новом месте и символизирующие победу «человека будущего» над природой. В 60-е данный топос получает своеобразные трансформации в романах Благи Димитровой, в первую очередь в тексте *Путешествие к себе (Пътуване към себе си, 1965)*. В нем в условиях строительства нового города социализма разворачивается любовно-психологическая драма героини, выявляющая ряд особенностей модернистской стилистики – поток сознания, субъективизм, гендерные оппозиции и т.д.

Второй вариант пространства города появляется в характерной для болгарской «оттепели» прозе «корнеискателей», в которой топос деревни становится основным хронотопом, репрезентирующим богатую палитру смыслов мифологического, национального и социального порядка. С одной стороны, это реакция на тяжелую коллективизацию, проведенную в конце 40-х годов в стране, а с другой стороны, эта поэтика связана с интересом оттепельной эпохи к периферийному, маргинальному и региональному пространству и герою. В произведениях этого типа город является оппозиционным топосом, часто лишенным конкретики вплоть до отсутствия в повествовании. Он выявляет агрессивность и зло цивилизационного начала с его прагматизмом и утратой социальных и национальных «корней». К данному варианту обращаются в своих произведениях Й. Радичков, В. Попов, Н. Хайтов, Г. Мишев.

Третий вариант концептуализации городского пространства – это топос «города греха». Чаще всего в этой ипостаси выступает София. Данный вариант присутствует в произведениях городской прозы, которые составляют лишь небольшую часть литературной продукции данного периода. Мы рассмотрим три произведения, в которых город представлен как территория деструкции и отчуждения и попытаемся составить перечень его признаков.

³ Х. Гюнтер, *Прощание с советским каноном*, „Revue des Études Slaves” 2001, № 73-74, с. 715.

Это повесть *Дороги в никуда* (*Пътища за никъде*, 1966) Богомила Райнова, новелла *Запах миндаля* (*Дъх на бадеми*, 1966) Павла Вежинова, а также роман *Время героя* (*Времето на героя*, 1968) Василя Попова.

Появление «города греха» в болгарской прозе 60-х годов XX века подготовлено прочной литературной традицией довоенной прозы. В текстах болгарских писателей 20-х – 40-х годов XX века формируется урбанистическое пространство, для которого характерны двойственность, экзистенциальная безысходность, демоническое одиночество. В диссертации, посвященной пространству города в болгарской беллетристике первой половины XX века, Александр Христов отмечает, что в данный период развития болгарской литературы «пространство города становится полем субъективных obsessions, которые изменяются из-за эмоционального заряда и мировоззрения героев»⁴. Это типический модернистский город, который воспринимается как «среда обитания человека, находящегося накануне апокалипсиса, в силу чего становится мифопоражающим топосом и в каждом из модернистских направлениях создается собственный городской метамиф, отражающий картину мира...»⁵ В творчестве болгарского писателя Георгия Стаматова данная концепция города первой половины XX века получает свое архетипическое наименование – «маленький Содом». В 40-е и 50-е годы той же концептуализации подвергается образ города в романах Димитра Димова, где топос становится трагедийным пространством, сценой катастрофических коллизий персонажа, где появляется «безродная столица» болгарской прозы⁶. У Димова образ города следует за моделью массовой литературы с ее топосами эротизма, роскоши и тайны, но в то же самое время этот пространственный код выступает в роли «ширмы», за которой скрыты «глубинные психические состояния персонажей»⁷.

Лишь в середине 60-х в болгарской прозе вновь появляется концепция изображения городского пространства, сохраняя основную пространственную структуру предыдущей традиции. «Город греха» болгарской «оттепели»

⁴ А. Христов, *Пространствата на града в българската белетристика от първата половина на XX век*: автореф. на дис. труд за присъждането на научн. и образов. степен «доктор», СУ «Св. Климент Охридски», София 2017, с. 38.

⁵ Н.В. Шмидт, *Городской текст в поэзии русского модернизма*: автореф. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, МГПУ, Москва 2007, с. 4.

⁶ Е. Димитрова, *За творчеството на Д. Димов*, [в:] http://www.bglitarchives.org/?com=com_catalogue&view=product&Itemid=83&lang=bg&cat=10&cpos=706000000&Ptype=2 (28.08.2021).

⁷ С. Стойчева, Ю. Стоянова, *Архетипното в романите на Димитър Димов*, [в:] <https://www.liternet.bg/publish/sstoicheva/dimov.htm> (27.08.2021).

фрагментарен и герметичен. Он включает ряд закрытых пространств, камерных интерьерных мизансцен, в отличие от масштабных эпических хронотопов в романах 50-х годов.

Действие повести Б. Райнова *Дороги в никуда* разворачивается на фоне болгарской столицы, и София представлена несколькими довольно необычными для соцреалистического хронотопа пространствами – мрачными городскими квартирами, руинами разбомбленных городских домов, баров, ресторанов и безлюдных скверов, которые восходят к пространственной модели нуара. Даже в помещениях Софийского университета царит атмосфера полумрака, уныния и застоя.

Городское пространство в прозе болгарской «оттепели» нередко подвержено деструкции. Иногда речь идет о реальных разрушениях – чаще всего это следы бомбежек англо-американских воздушных сил в конце Второй мировой войны. Этот исторический факт интересным образом освещается в романе *Отклонение* (1967) Благы Димитровой, в котором любовная история молодых людей начинается в уцелевшей мансарде полуразрушенного во время бомбежек дома. В других случаях элементы деструкции содержатся в изображении разнообразных элементов городского топоса. Все чаще в произведениях появляется домашнее пространство, имеющее номинативные характеристики гнезда, приюта, раковины⁸, но потерявшее функции уюта и защиты. Это пространство фиксирует интерес «оттепельной» эстетики к частной жизни героя, к его индивидуальному бытию, к интимным переживаниям и эмоциональным коллизиям персонажа. В отличие от советских «душевных» дворов, болгарские писатели выбирают местом действия своих произведений полупустые, полутемные, полумеблированные пространства неуютных квартир. Настоящие дома и сады появляются довольно редко, обычно они являются частью иммагинерных пейзажей снов, воспоминаний персонажа и т.д. Связь с природным началом у героев данных произведений потеряна навсегда, и это является очередным доказательством их дисгармоничной жизни. Интерьеры часто отмечены ветхостью, ущербностью, экономностью. Парикмахерша Герда – героиня новеллы *Запах миндаля* П. Вежинова – обитает в маленькой комнатке, в которой нет гардероба, но присутствуют знаки былой роскоши – комод из красного дерева, старинные часы, вытертый персидский ковер. Среди этого мнимого богатства особое место занимает выпотрошенный «großvater stühle», и это немецкое название кресла отсылает к военному времени и к воспоминаниям об осужденном

⁸ Г. Башляя, *Поэтика пространства*, РОССПЭН, Москва 2004, с. 50.

Народным судом отце Герды. В этом «гнездышке под крышей» проходят свидания героини с ее грустным любовником – женатым полковником, отцом двоих детей. Вежинов – один из немногих болгарских писателей-урбанистов, который превращает топос родной Софии в основной топос своей прозы. Чаще всего он пользуется предметной обстановкой повседневности как материальным эквивалентом настроения своих героев или как метафорой губительной стихии человеческой пошлости.

У Богомила Райнова городское пространство приобретает гендерную окраску – оно представлено как маскулинное пространство. Это подтверждается, в первую очередь, частотностью использования топоса кабинета. В повести *Дороги в никуда* кабинетные топосы появляются неоднократно – это кабинет высокопоставленного лица, кабинет начальника полиции Гешева, жилище-кабинет Стоева и наконец кабинет самого Петра Александрова. Данные локусы представлены клишированным предметным составом: письменный стол, настольная лампа, стул, кресло. Чаще всего это полутемные и тихие помещения, в описании которых иногда возникают книги и портреты. Главная их особенность – строгость и порядок. Это пространство спартанцев, демагогов и тайных маньяков. Это пространство самодостаточного бытия мужчин, имеющих свои цели и установленный годами образ жизни. Идеологические позиции Стоева и Александрова проявляются на уровне художественной предметности. Их маркируют портрет Сталина в интерьере мансарды Стоева, от которого в конце повести остается лишь светлое пятно на стене, и «уродливый бюстик Ленина», который «от бронзирования приобрел неприятный цвет латунной ручки» и который Петр засунул в шкаф вместе с остальными ненужными вещами. Оба предмета демонстрируют противоположное отношение героев не только к коммунистической идее, но к идее вообще – догматическое и фетишистское у Стоева и творческое и нравственное у Александрова. Кабинет в повести становится также пространством власти. Данная семантика обнаруживается в описаниях кабинетов начальника полиции Николы Гешева и кабинета «высокопоставленного лица».

Из героинь только Рина связывается с определенным локусом. Но это чужая комната, предоставленная богатой родственницей, а ее функции не имеют ничего общего с художественной семантикой мужского кабинета. Скорее, они соответствуют семиотике будуара из поэтики массовой сентиментальной литературы XVIII–XX веков. В работе, посвященной специфике художественного пространства в прозе Кребийона-сына, Наталья Пахсарян, отмечает, что «в романах данного типа будуары, ложи, укромные уголки и др. несут символическое значение, являясь не только условием, но

и выражением телесной близости; они могут быть даже истолкованы как аллегория тела»⁹. В этом смысле будуар как сугубо женское помещение становится пространственно-вещной проекцией именно телесной сущности женщины, а кабинет, наоборот, акцентирует интеллектуально-духовную сторону жизни мужчин и таким образом превращается в материальный эквивалент их личности. Чердачная комнатка Рины – «гнездышко» недолгой любви героев. Она семантически связана с сентиментальной сюжетикой чувственной близости укромностью, «позолотой» барочной мебели и рамы большого трюмо. Единственная функциональная характеристика комнаты Рины в повести – беспорядок. Просыпаясь после любовной ночи, Александров видит разбросанную повсюду одежду и белье Рины, валяющиеся на коврик дорожные туфельки. Такой беспорядок будет создавать в его собственном кабинете Мила во время своих приходов. И этот беспорядок имеет подчеркнутую телесные черты – «чулки и белье на письменном столе, окурки со следами губной помады в чернильнице, плотский запах духов „Сирень” и женского тела»¹⁰. Таким образом, изображение кабинета и будуара противопоставляются в плане основной оппозиции повести: «разум – чувственность», «логика – эмоциональность», «порядок – хаос».

В романе *Время героя* неоднократно воспроизводится интерьер квартиры Калуда, который отличается необычной скромностью – белые стены, ковер, два кресла, диван. Он противопоставлен изящной обстановке дома и дачи Ивана, его со вкусом обставленному кабинету, в котором среди современной мебели его секретарша Боряна служит «говорящим предметом». Герои Василя Попова чувствуют себя неуютно в своих домах, они ищут многолюдные пространства, где могут ощутить покой и теплоту – бары, рестораны, теннисные корты, стадионы, ночные трамваи. Актуализация публичных топосов происходит и в произведениях Вежинова и Райнова – их персонажи живут двойной жизнью, и это выражается в противопоставлении домашнего и публичного пространств. В парикмахерских, в университетских аудиториях, в ночных клубах они надеются на общение с другими людьми, на приобщение к жизни социума, но потом, разочарованные и отчаянные, возвращаются в свои норы, в крошечные, убогие убежища, где «пестуют» свою боль и отчужденность.

⁹ Н.Т. Пахсарьян, *Специфика художественного пространства в романах Кребийона-сына*, „Studia Litterarum” 2017, № 1, т. 2, с. 79.

¹⁰ Б. Райнов, *Дороги в никуда*, Издательство литературы на иностранных языках, София 1967, с. 71.

В болгарской прозе 60-х годов актуализируются публичные городские топосы досуга и заботы о себе, в первую очередь – это парикмахерская как сугубо женское пространство. И у Вежинова, и у Попова, данный топос представлен в «буржуазном» духе – забота о красоте сочетается с подарками и связями, превращающими уход за волосами в профессию с особым статусом. Салоны красоты в рассматриваемых текстах становятся территорией для времяпрепровождения обеспеченных дам – самодостаточных и безразличных к остальному миру. В конце 60-х отмечается усиление престижа профессий в сфере услуг и постепенная дискредитация интеллигентских профессий, для граждан социалистической Болгарии грядет эпоха 70-х с ее господством мещанства и «маленькой правды». Парикмахерская, в которой работает Герда, коннотируется негативно: «запах ацетона и химикалей, сгоревших волос, неприятной женской плоти», «невыносимая жара», «безжизненный и мертвый свет белых люстр»¹¹. Это пространство пошлости и капризов, в котором Герда мечтает о покое своей мансарде. В описании парикмахерской в романе *Время героя* доминирует значение «холод» – «холодное лицо» Марии, «холодные пальцы» Флор. Главная героиня романа говорит с парикмахершей о самом сокровенном – о любви, потому что «иногда парикмахерская превращается в „биржу секретов одного города, одной страны или одной планеты»¹².

Новыми значениями «обрастает» топос ресторана и другие топосы досуга – бары, ночные клубы, кабаки. Персонажи страдают непереносимостью еды, а в повести *Дороги в никуда* эта непереносимость превращается в основной симптом болезни Александрова. Это своеобразный отказ от основных законов окружающего мира, неприятие жизненной вегетации, отвержение прагматизма. Единственная сцена, связанная с едой, – это сцена расточительного ужина Ивана и Марии в романе Попова. Ужин превращается в настоящее торжество материи и роскоши. Описания каждого блюда, приборов и бокалов, вкуса еды и напитков ассоциируется с эротизмом, сладострастием. Любовные встречи Ивана с молодой Сией тоже будут иметь свой вкусовой эквивалент – банановый сок, довольно экзотический напиток для болгарской реальности времен социализма. В сценах прекрасно устроенного быта и достатка жизни Ивана чувствуется то отрицание самодовольной

¹¹ П. Вежинов, *Дъх на бадеми*, [в:] *Избрани произведения*: в 4 т., т. 1: *Разкази, новели, Български писател*, София 1984, [в:] <https://chitanka.info/text/45690-dyh-na-bademi> (12.09.2021).

¹² В. Попов, *Времето на героя*, Народна младеж, София 1979, с. 14.

жизни мещан и номенклатурных работников, которое будет важным акцентом в болгарской литературе 70-х, «в периоде двух канонов»¹³, в произведениях Г. Мишева, Р. Ралина, К. Павлова и др.

Основным лекарством от всех жизненных драм становится алкоголь. У Вежинова Герда и Жени выпивают «по-женски» в кабаке с названием «Тоннель», в котором воздух переполнен «нервными импульсами» и «хрипло и нестройно» играет оркестр¹⁴. Любовная история Александрова и Рины развивается на фоне целого ряда питейных заведений – Венской кондитерской, «Максим-бара», пивной на велодроме. Ассортимент напитков – самый разнообразный: белое вино, вермут, коньяк, мастика, «что-то терпкое и холодное». Герои слишком много курят и разговаривают с официантами и барменами как с близкими знакомыми. У Попова пространство бара превращается в призрачное место, в особую эмблему «следующего поколения, которое быстро привыкает к наслаждениям, консумации и удовольствиям»¹⁵. Калуд мечтает о «маленьких ночных рюмочных», куда можно зайти ночью и выпить ракии.

Самая яркая особенность «города греха» болгарской «оттепели» – это преобладание телесности. Все персонажи рассматриваемых произведений становятся ее жертвами. Телесность обычно коннотирована негативно, и она проявляется как греховная страсть или болезнь. Во всех текстах любовные истории связаны с супружеской неверностью – полковник изменяет жене с Гердой, Буби – с Риной, Мария влюбляется в Калуда – самого близкого друга ее супруга. Не только семейная жизнь, но и любая попытка сближения и взаимности терпит крах. Город становится пространством личных драм, и его атмосфера отмечена ощущением всеобщего неблагополучия. В 60-е в болгарскую прозу возвращаются темы самоубийства, убийства и болезни как выражение деструкции тела. Полковник стреляет себе в лоб после разлуки с Гердой; в конце повести Богомила Райнова его герой Александров умирает от желтухи, а Иван неоднократно проигрывает в своем воображении сцену, в которой он убивает свою жену и ее любовника. Единственная возвышенная и счастливая любовная история в трех произведениях – это

¹³ П. Дойнов, *Соцреализъм и алтернативи: аспекти на каноничността. Към нова история на литературата от периода на НРБ*, [в:] http://www.ebox.nbu.bg/nuova/view_lesson.php?id=7 (12.09.2021).

¹⁴ П. Вежинов, *Дъх на бадеми*, [в:] *Избрани произведения: в 4 т., т. 1: Разкази, новели, Български писател*, София 1984, [в:] <https://chitanka.info/text/45690-dyh-na-bademi> (12.09.2021).

¹⁵ В. Попов, *Времето на героя*, Народна младеж, София 1979, с. 31.

брак Доктора и его жены в романе *Время героя*, и она также заканчивается трагично – супруга умирает от лейкемии. «Мифотворец» Калуд сравнивает Доктора с древним хронистом, пишущим одно-единственное слово на своей колонне и это слово – «любовь».

Ночь, сумерки, мрак – это обычайное время суток, в которое проявляется драматизм существования героев трех произведений и которое часто становится синонимом жизненной катастрофы и смерти. Среди темноты и тумана „город скрипит как старая дверь”¹⁶. Полковник в новелле *Запах миндаля* идет к гибели по темным городским улицам и как слепой сталкивается с деревьями и столбами. Бездной мрака начинается битва Александрова с болезнью, и в финале повести «сумерки вне времени» поглощают героя.

Пессимизм и скептицизм определяют атмосферу трех произведений. В таком же духе конструируется и календарь города. Из него исчезает весна – излюбленное время года советских шестидесятников с ее надеждами и импульсами к возрождению. В болгарских произведениях царит осень – унылая, дождливая, туманная или какой-то бесконечный полусезон с мокрым снегом и ледяным ветром. Такая же сырая, мрачная погода властвует и над другими городами мира – над Лондоном, по которому бродят Калуд и Иван, над Осло, о котором грезят молодая девушка в баре и пожилой Маэстро, даже над воображаемой страной Джумблей из переводов Калуда. Непогода – это знак вселенской деструкции и дисгармонии, это сезон незащищенности человека.

Город в произведениях Вежинова, Райнова и Попова выступает как «проклятое место», как топос греха и безнадежности. Данный топос позволяет рассмотреть разные аспекты «дьявольской урбанистики» 20-40-х годов. Но это уже не «типический болгарский провинциальный город, сохраняющий бытовую и природную пластику, атмосферу родного пространства»¹⁷, которой чаще всего интересуется авторов довоенного поколения. В произведениях 60-х это, прежде всего, София – «безродная» столица страны, которая лишена своего исторического прошлого и представлена как город пороков и безысходности. В конце произведений герои оказываются более несчастными и одинокими, чем в начале, они не находят утешения ни в семье, ни в работе, ни в обществе. Таким образом, разрушен основной инициационный социалистический сюжет и его оптимистическая историческая перспектива,

¹⁶ Там же, с. 48.

¹⁷ С. Игов, *История на българската литература 1878-1944*, АИ «Проф. Марин Дринов», София 1995, с. 376.

представляющие человеческую жизнь как путь к счастью, а исторический процесс как линейное, поступательное движение от времен «тюрьмы народов» к светлому коммунистическому будущему. Герои Вежинова, Райнова и Попова оказываются вне концепции об «истории человечества как истории борьбы классов», в которой «вся предшествующая история есть подготовительная стадия к возникновению бесклассового общества»¹⁸, несмотря на их клятвы в верности коммунистической идее. Окружающая их жизнь оказывается печальнее, сложнее, безнадежнее, чем они ожидали, она переполнена звуками, запахами, эмоциями. Инструментарий болгарских урбанистов 60-х следует за опытом модернистов первой половины XX века с их интересом к одорическому, аудиальному, предметному кодам.

Подводя итоги, укажем на один семиотический нюанс в интерпретации города в рамках рассматриваемого направления болгарской прозы 60-х годов. Город в романе В. Попова имеет и свою светлую половину, отличаясь этим от мрачных «маленьких Содомов» Вежинова и Райнова. Он раздираем сомнениями и противоречиями, в нем «человеческая жизнь оказывается под угрозой», но вместе с тем город образует необычные семантические сцепления с городами разных стран и континентов. Таким образом он становится проекцией глобального Города-Мира из снов Калуда, «Республикой человечества», на стадионах которой молодежь и старики скандируют «Тихо-тихо-тихо» и запускают в небо тысячи голубей.

В 70-е годы пессимистический урбанизм болгарских «шестидесятников» получит продолжение в прозе Эмилияна Станева, в которой топос «города греха» будет тесно связан с древней болгарской столицей Велико-Тырново и с катаклизмами отечественной истории.

Библиография

- Башляр Г., *Поэтика пространства*, РОССПЭН, Москва 2004, *Книга света*.
Вежинов П., *Дъх на бадеми* [в:] *Избрани произведения: в 4 тома*, т. 1: Разкази, новели, Български писател, София 1984, [в:] <https://chitanka.info/text/45690-dyh-na-bademi>.
Гюнтер Х., *Прощание с советским каноном*, „Revue des Études Slaves” 2001, № 73-74, <https://doi.org/10.3406/slave.2001.6747>.

¹⁸ М.А. Литовская, *Социалистический реализм в литературе XX века*, „Филологический класс” 2008, № 19, с. 20.

- Димитрова Е., *За творчеството на Д. Димов*, [в:] http://www.bglitarchives.org/?com=com_catalogue&view=product&Itemid=83&lang=bg&cat=10&cpos=706000000&Ptype=2.
- Дойнов П., *Соцреализъм и алтернативи: аспекти на каноничността. Към нова история на литературата от периода на НРБ*, [в:] http://www.ebox.nbu.bg/nuova/view_lesson.php?id=7.
- Игов С., *История на българската литература 1878-1944*, АИ “Проф. Марин Дринов”, София 1995.
- Кудряшов И., *Философия нуара: Ностальгия, город, герой*, [в:] <https://www.syg.ma/@ivan-kudriashov/filosofia-nuara-nostalghia-ghorod-ghieroi>.
- Литовская М.А., *Социалистический реализм в литературе XX века*, „Филологический класс” 2008, № 19.
- Пахсарьян Н.Т., *Специфика художественного пространства в романах Кребийона-сына*, „Studia Litterarum” 2017, № 1, т. 2, <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2017-2-1-76-89>.
- Попов В., *Времето на героя*, Народна младеж, София 1979.
- Райнов Б., *Дороги в никуда*, Издательство литературы на иностранных языках, София 1967.
- Стойчева С., Стоянова Ю., *Архетипното в романи на Димитър Димов*, [в:] <https://www.liternet.bg/publish/sstoiceva/dimov.htm>.
- Топоров В.Н., *Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте* [в:] *Исследования по структуре текста*, ред. Т.В. Цивьян, Наука, Москва 1987.
- Христов А., *Пространствата на града в българската белетристика от първата половина на XX век: автореф. на дис. труд за присъждането на научн. и образов. степен «доктор»*, СУ «Св. Климент Охридски», София 2017.
- Шмидт Н.В., *Городской текст в поэзии русского модернизма: автореф. на соиск. уч. степени канд. филол. наук*, МГПУ, Москва 2007.
- Щукин В.Г., *Поэтика города. Морфология поэтосферы*, „Ейдос. Альманах теории та історії історичної науки” 2013, № 7.

ABSTRACT

Topos of the “Sin City” in the Literary Urbanism of the Bulgarian “Thaw”: Preliminary Remarks

The article deals with the presence of the topos of the “Sin city” in Pavel Vezhinov’s *Taste of Almonds*, Bogomil Rainov’s *Roads to Nowhere* and Vassil Popov’s *The Time of the Hero*. The author reconstructs the genesis of the presented topos in the tradition of Bulgarian urban literary fiction from the 1920s to the 1940s and analyzes the influence of mass literature.

A group of semantic features typical for the poetics of this topos in the considered works can be distinguished. They are: destruction and fragmentation; incompleteness and deformation of the interior; semiotization of sounds and aromas; provincialism and cosmopolitanism. The confrontation of the topos with the basic postulates of socialist realism as well as the productivity of the given model in the Bulgarian literary fiction of the 1970s are pointed out.

Keywords: topos, literary urbanism, poetics, the Bulgarian “Thaw”

Ключевые слова: топос, урбанистика, поэтика, болгарская „оттепель”

Tom jubileuszowy, który oddajemy do rąk czytelnika, stanowi wyraz najwyższego uznania wobec imponującego dorobku naukowego oraz wdzięczności za lata działalności dydaktycznej Pana Profesora Wasilija Szczukina. Publikacja jest próbą odzwierciedlenia szerokiego spektrum zainteresowań badawczych Jubilata, oscylujących wokół historii literatury i kultury rosyjskiej, metodologii badań literackich, poetyki sztuki totalitarnej, a także szeroko rozumianej geografii humanistycznej; osadza jednocześnie te pojęcia w kontekście macierzystym badacza – to jest fenomenów przestrzeni i tożsamości. Z wielką radością pragniemy podkreślić, że niniejsza księga, na którą złożyły się teksty wielu wybitnych badaczy literatury, sztuki i kultury, pragnących uhonorować Profesora Szczukina, stanowi platformę do wymiany myśli naukowców reprezentujących ośrodki naukowo-akademiczne między innymi w Polsce, Izraelu, Bułgarii, Kanadzie, Stanach Zjednoczonych, Rosji, na Litwie i Białorusi, co należy uznać za jawne świadectwo swoistej niezależności nauki i jej niepodlegania różnorodnym ograniczeniom, które w danym czasie i danej przestrzeni mogą hamować kontakty i zaburzać procesy konsolidacyjne na bazie twórczej wymiany.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-730-9

